

Россия – Япония: настоящее в ретроспективе прошлого

Владимир Галицкий

Мартовская (2011 г.) трагедия в Японии показала:

- *во-первых*, что никто, ни человек, ни малое, ни большое государство, не застрахованы от чрезвычайных происшествий, трагических событий;
- *во-вторых*, важность общечеловеческой солидарности, взаимопомощи;
- *в-третьих*, неконструктивность попыток пересмотра исторического прошлого с агрессивных, негативных позиций взаимоотношений между Японией и Россией; непродуктивность пересмотра общепризнанных итогов Второй мировой войны, которые принимала Япония до произошедших событий.

Безусловно, заслуживает всяческого одобрения решение высшего российского политического руководства о безвозмездной и бескорыстной разносторонней помощи японскому народу, пострадавшему от природной и техногенной катастрофы.

Японские концессии на Камчатке в период Второй мировой войны

Анализ литературы по советско (российско) – японским взаимоотношениям дает основание считать, что многие вопросы этих отношений, особенно за период Второй мировой войны, еще недостаточно исследованы. Хотя в них было много интересного, в том числе и для современности. По-

этому автор посчитал возможным поделиться теми особенностями взаимоотношений между Японией и СССР в период 1940–1945 гг., о которых, к сожалению, мало кто знает как в Японии, так и в современной России.

Дело в том, что СССР, еще до начала Великой Отечественной войны, пре-

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – действительный член Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор. *E-mail:* vgalizky@yandex.ru

Ключевые слова: Япония, японские военнопленные, психология военного плена, морально-политическое воспитание японцев.

доставил японской фирме «Ничира» концессию на добычу рыбы в прибрежных водах полуострова Камчатка, а рабочим этой фирмы было разрешено проживать на нашей территории. Безусловно, это выглядит странно, поскольку в это время Япония была союзницей фашистской Германии и с декабря 1941 г. находилась в состоянии войны с США. В свою очередь, СССР воевал с Германией и был союзником США. В соответствии с действовавшим в то время международным правом СССР не имел права находиться в экономических отношениях с Японией как с воюющей стороной.

От фирмы «Ничира» работали на территории СССР под видом рыбаков молодые мужчины призывного возраста при строгом казарменном режиме. Были все основания у советской стороны считать их переодетыми японскими военнослужащими. После разрыва Советским Союзом договора

о нейтралитете с Японией (апрель 1945 г.), все эти «рыбаки» в количестве свыше 300 чел. были интернированы на территории Камчатки.

Этот пример говорит о том, что даже в условиях сложной военно-политической обстановки СССР и Япония находили взаимовыгодные точки экономического соприкосновения. Наблюдение за японцами, как в то время, так и в настоящее время, показывает, что им присущи такие важные психологические черты характера, как уравновешенность, спокойствие, высокая индивидуальная и коллективная дисциплинированность, ответственное отношение к порученному делу и др. Это всегда помогало им выживать в самых сложных климатических и социально-политических условиях.

Особенно полно эти черты японского характера раскрылись в период нахождения японцев в советском плену 1945–1956 гг.

Психология японских военнослужащих

Проблемы жертв войны занимают значительное место в научных исследованиях, ведущихся во многих странах мира. Однако изучению социально-психологических условий, в которых оказываются эти жертвы, уделяется недостаточное внимание. Особенно это относится к такой категории жертв войны, как военнопленные. Психология военного плена и самих военнопленных остается до сих пор практически неисследованной областью как общей, так и социальной психологии.

При фундаментальной разработке проблемы плена автором было обращено внимание на определенные изменения в поведенческих реакциях военнопленных, которые зависят от их национальности, политико-моральной

обработке до пленения, а также длительности пребывания в плену.

Изучение истории военного плена показывает, что в плену обычно находятся от двух до шести, а иногда и до 10 лет, а если учесть, что военнослужащий до пленения в течение, в среднем, двух-трех лет уже находился в отрыве от семьи, близких ему людей, то получается, что военнопленный не был дома в течение 8–10 лет. Эта статистика касается в большей части военнослужащих Японии, оказавшихся в советском плену.

Так, в силу ведения Японией длительных войн на Азиатском материке значительная часть японских военнослужащих была оторвана от семьи в течение девяти, а некоторые из них почти и 15 лет. Отрыв от семьи в течение

такого длительного времени и нахождение в этот период в стрессогенных ситуациях жизни на чужой территории и боевой обстановки не может бесследно пройти для любой личности. Такие переживания и отношения достаточно ярко выразил в своем стихотворении «Киёцунэ» японский поэт Дзэ-ами Мотокиё:

За годы долгие в скитаньях
Успел отвыкнуть я от шумной жизни.
И вот сегодня в город, сердцу милый,
Я возвращаюсь снова, но, уввы:
Былой весны уж нет, и ей на смену
Пришла глухая горестная осень¹.

Война – это трагедия в жизни и истории не только народов, но и каждого человека, участвующего в ней.

Проведенное автором исследование* позволило выделить ряд факторов, влияющих на психологию военнопленных, независимо от их национальной и государственной принадлежности. Это прежде всего:

– отношение к ним как государства, гражданами которого являются, так и государства, у которого они находятся в плену, к плену вообще (разработанность нормотворческой базы, направленность сформированного общественного мнения к плену внутри в этих государствах и т. п.);

– обстоятельства пленения и условия содержания в плену;

– степень психологической и правовой подготовки военнослужащего к участию в боевых действиях, в том числе и в случае его пленения;

– глубина сформированности таких качеств личности, как патриотизм, ненависть к противнику, неприятие ценностей противника;

– реальное осознание военнопленным (подтвержденное национальной памятью) того, что родина всегда помнит о своих гражданах, захваченных противником в плен, или наоборот – забыла о них, считает их предателями;

– характер военно-политической обстановки на театре войны;

– промежуточные и конечные результаты вооруженного конфликтного противоборства;

– национальные и индивидуально-психологические особенности личности военнопленного.

Безусловно, эти базовые факторы воздействуют на личность военнослужащего, попавшего в плен, всеобъемлюще. Это сказывается на его психологическом состоянии, формирующем отношении к плену, его обстановке и окружающей действительности.

Результаты проведенного исследования дают основание сделать вывод, что сам плен оказывает деструктивное воздействие на личность, ее психологию, оставляя глубокий след в последующей жизни человека. Исходя из этого, можно сказать, что психология во-

* Фактологическую базу исследования составили официальные отчетные данные государственных органов, общественных и иных организаций, ведавших делами военнопленных в дореволюционной России, Советском Союзе и в иностранных государствах (по трофейным документам); опросные листы и анкеты (именные и анонимные) военнопленных; самоотчеты, письма, дневники и жалобы военнопленных; собственноручно написанные отзывы военнопленных о плене; медицинские справки о состоянии здоровья военнопленных; дневники, личные наблюдения и другие документы лиц, общавшихся с военнопленными в служебной и внеслужебной обстановке; мемуарная и другая литература как самих военнопленных, так и лиц, работавших с ними (в общем количестве около 10 тыс чел.); результаты опросов и интервьюирования более 400 лиц, работавших с военнопленными в период 1939–1956 гг.; сравнительный анализ фотографий военнопленных до плена и в плену.

енного плена и военнопленных – это самостоятельная область военной психологии.

О психологии и национальном характере японцев написано достаточно много как в Японии, так и в Советском Союзе². Однако проблеме проявления психологии японцев, их национально-го характера в таких экстремальных, стрессогенных условиях, как военный плен, уделено незначительное внимание. Она раскрыта только в общих чертах. Эта проблема затрагивается в мемуарах бывших японских военнопленных, а также незначительного количества отечественных исследователей³.

Исследуя жизнь и деятельность японских военнопленных в плену в СССР по материалам российских государственных архивов, автор обратил внимание на существенные отличия в поведенческих реакциях военнопленных разных национальностей. Выясняя причины этих отличий, было установлено, что они зависят от национального характера, психологии военнопленных. Анализ содержания научных источников по вопросам национального характера, психологии японцев⁴ дает основание высказать мнение о том, что к специфическим чертам японского национального характера как японские, так и советские социальные психологи относят:

- умение сочетать самостоятельность с коллективизмом;
 - четкую определенность в оценке событий и выражении своих взглядов;
 - силу воли, собранность;
 - предприимчивость;
 - необыкновенную заботу о собственной репутации, о производимом на окружающих впечатлениях;
 - устойчивость характера;
 - склонность к символизации и т. д.
- Самостоятельность японцев в сочетании с коллективизмом была воспита-

на многовековой стабильностью системы семей-кланов (иэ). Глава клана имел безраздельную власть, которая укрепляла связи господства и подчинения, поддерживала строгую дисциплину его младших членов и постоянно защищала интересы младших, что способствовало укреплению их преданности. Именно иэ наложила глубокий отпечаток на социальную психологию японского народа и в значительной степени определила специфику системы моральных ценностей. На передний план в этой системе выдвигаются такие ценности, как лояльность, то есть привязанность к своей социальной группе, и компетентность, позволяющая японцу давать самостоятельную оценку событий и иметь свое определенное мнение, проявлять предприимчивость и изобретательность, максимальное прилежание, усердие, старательность, упорство в труде, стойкость в борьбе с трудностями.

Об устойчивости этих ценностей свидетельствуют многочисленные факты их проявления даже в условиях военного плена. Прежде всего это имело место в процессе трудового использования японских военнопленных.

Казалось бы, зачем военнопленному переживать за качество и эффективность своего труда?

Какой в этом смысл?

Чуть перевыполнил производственную норму – получишь улучшенное питание, но зачем добросовестно вкалывать на своего бывшего врага? Так мог поступить немецкий, итальянский, румынский военнопленный, но не японский.

Японские военнопленные одновременно с жалобой на недостаточное питание указывали:

- на плохую организацию их труда;
- на плохой инструмент, который они получили для работы.

Они объясняли низкую производительность своего труда именно этими причинами и заверяли администрацию лагерей, что если будет выдан им лучший инструмент, если будет нормальная организация труда, то они смогут сделать значительно лучше и больше⁵;

– на то, что их используют без учета прежней специальности.

Так, военнопленный подполковник Маэда Тадао, отвечая на вопросы анкеты социологического исследования, проводившегося в лагере № 387 (г. Фергана), писал: «Мы все имеем в своих рядах различных специалистов, но не имеем возможности работать по специальности в силу того, что не каждый военнопленный может применять свои знания на тех фабриках и заводах, где мы сейчас работаем»⁶.

Японские военнопленные адекватно восприняли такие формы стимуляции труда как социалистическое соревнование, потому, что считали ее передовой формой.

Военнопленный Иногути Тосукэ, отвечая на один из вопросов анкеты об отношении к труду, писал: «Находясь на производстве и имея возможность участвовать в социалистическом соревновании, мы должны стремиться усвоить сущность советской демократии. Должны суметь воспитать в себе чувство храбрости, воли и убеждения к победе для борьбы за скорейшую демократизацию своей родины.

А сейчас, пока мы еще находимся в лагере, мы должны стремиться к соблюдению порядка внутри лагеря, повышению производительности труда, потому что это является не только барометром нашей демократичности, но является также фундаментом нашего здоровья и повышением стандарта нашей жизни»⁶.

Анализ и сопоставление многочисленных высказываний и отношений японских военнопленных к труду в плену дает основание заключить, что такие черты их национального характера, как добросовестное отношение к труду, стремление всегда сделать луч-

ше то, что им поручили, проявлялось помимо их воли и в процессе труда подневольного.

Склонность японцев к символизации позволяла им легче приспособиться к внешним условиям военного плена несмотря на то, что в глубине своей души они испытывали беспокойство, психическую напряженность.

Для лучшего понимания психологии японских военнослужащих, находившихся в плену в СССР, кратко рассмотрим систему их идеологической и психологической обработки до пленения. Поскольку выработанные ранее стереотипы поведения и отношения к окружающему миру быстро не исчезают.

Как известно, существовавшая в Японии система моральных ценностей до августа 1945 г. умело использовалась милитаристскими кругами для воспитания японских военнослужащих в нужном направлении. Еще в 30–40-е годы были разработаны всевозможные моральные кодексы военнослужащего (своеобразные уставы, регламентировавшие организацию жизни, быта, поведения и досуга военнослужащих). Эти учебно-методические разработки обязывали командный состав формировать у японских солдат устойчивый характер, верность и преданность императору, высокий интеллект, инициативу, физическую выносливость, волю, мужество, укреплять воинский коллектив, его духовное единство ради существования отечества и нации.

Содержание моральных кодексов полностью переносилось с соответствующей интерпретацией в пособия по моральному воспитанию солдат и унтер-офицеров⁷. Безусловно, результаты воспитания и обучения японских военнослужащих благодаря таким кодексам и пособиям не могли не сказаться и на их поведении в период нахождения

ния в плену в СССР. Это выражалось прежде всего во враждебном отношении к Советскому Союзу, хотя в основной массе японских военнопленных оно проявлялось лишь в первый год плена. Такое отношение было естественным, так как японская милитаристическая армия того времени являлась главным орудием осуществления агрессивной внешней политики, средством утверждения господства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Империалистические круги Японии придавали исключительное значение формированию, вооружению и идеологической подготовке личного состава армии. Эта политика проводилась такими политическими и военными деятелями, как Танака, Тодзио и др. Регулярная армия в Японии возникла и окрепла в период подготовки и осуществления японскими милитаристами актов агрессии против стран Дальнего Востока и, в первую очередь, против Китая, России и Кореи.

Начало регулярной армии было положено в 1872 г., когда была введена обязательная воинская повинность. Активная подготовка к войнам потребовала постоянного увеличения численности армии и совершенствования ее вооружения. В течение последующих лет было проведено несколько серьезных реорганизаций армии, которые постепенно сделали ее одной из самых сильных среди капиталистических стран. Для этой армии были характерными напористость в наступлении и стойкость в обороне.

Главной ударной силой сухопутных войск Японии являлась Квантунская армия.

Эта армия предназначалась для ведения агрессивной войны, имела большой опыт ведения боевых действий в условиях Восточной и Юго-Восточной Азии на значительном удалении от границ своего государства.

Квантунская армия комплектовалась лучшими, наиболее надежными войсками и оснащалась современным японским оружием; служба в ней означала выполнение «особо важного задания самого императора». Естественно, что такое предназначение требовало и особой идеологической и психологической обработки ее личного состава.

Социологические исследования, проведенные среди японских военнопленных в 1946 г., показали, что пленные не имели объективного представления ни о Советском Союзе, ни о Китае. О Советском Союзе было сформулировано мнение как об агрессивном государстве.

Наиболее ярко об этом написал военнопленный подполковник Эбара Кодзи в заполненной им анкете социологического исследования: «До войны не только я один, но и все японцы думали, что это есть государство (Советский Союз) под секретом <...>, что это такая темная и красная страшная страна. Как мальчишки мы верили всему этому.

<...> Мы живем здесь уже полтора года, и мы убедились, что в Советском Союзе нет эксплуатации и все помогают друг другу. Мы узнали, что Советский Союз трудолюбивая и миролюбивая страна»⁶.

Японские милитаристы всегда придавали серьезное значение идеологической и психологической подготовке народа и армии к войне. Японская военщина много потрудились над тем, чтобы подавить малейшее проявление протеста и одновременно до предела отравить сознание народа милитаристской пропагандой, привить армии «самурайский дух», создать устойчивое морально-политическое состояние войск.

В основном эти цели были достигнуты.

Уже к началу Второй мировой войны характерными чертами японской армии были: слаженность, самоуверенность (порождена тем, что в прежних

войнах она не знала поражений), надменность, гордость, пренебрежительность к китайцам, корейцам и русским. Эти черты были сформированы всем процессом политико-воспитательной работы не только с военнослужащими, но и с призывниками. В основе политико-воспитательной работы лежала искусная манипуляция национальными обычаями, традициями, памятью о прошлых отношениях с другими народами.

Идеологическая и психологическая обработка личного состава армии была логическим завершением большой и последовательно проводимой работы японской военщины по подготовке всего народа к агрессивным войнам.

В обвинительном акте Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока подчеркивалось: «Сознание японского народа систематически отравлялось опасными идеями о так называемом расовом превосходстве над другими народами Азии и даже всего мира. В Японии была введена система, похожая на ту, которую установили Гитлер и нацистская партия в Германии, и фашистская партия в Италии»⁸.

Как свидетельствуют трофейные и другие официальные документы, идеологической и психологической обработкой японцев занимались школа, церковь, семья. Ее целям была подчинена пресса, литература, театр, кино, система допризывной подготовки, деятельность шовинистических организаций и различных учреждений. Особенно широкий размах милитаристская пропаганда приняла с началом войны в Китае. В 1937 г. была создана специальная «Лига по мобилизации национального духа», развернувшая широкую милитаристскую пропаганду. Именно благодаря ее усилиям формировались устойчивые стереотипы негативного восприятия народов и стран, планировавшихся в качестве объектов агрессии.

Одновременно активно применялись репрессивные меры против «опасных мыслей». Целью этой всеобъемлющей системы было, с одной стороны, подавление прогрессивных идей, с другой – пропаганда войны в форме и под видом необходимости построения Великой процветающей Азии, продвижение на юг и север и т. п., а также дезориентировать и обмануть народные массы, принудить их видеть причины войны не в империалистической политике правительства Японии, а в «прорисках врагов Японии», в первую очередь Советского Союза, который изображался как «главный враг японского народа».

В основу идеологической и психологической обработки народа и армии была также положена теория расового превосходства японцев. Для этого была разработана специальная «философская система» – «НИППОН – сюги»⁹. Основоположником этой философии являлся Иноуэ Тэцудзиро, а проповедниками – Хасимото Кингоро, Окава Сюзэи и др.

Поклонник и адепт немецкой идеалистической философии Иноуэ Тэцудзиро всю свою жизнь посвятил пропаганде этой философии.

Иноуэ разработал «принципы японизма», которые сводятся к пропаганде расового превосходства японцев, оправданию права военно-феодальной системы Японии на господство в стране и распространение этого господства на весь мир¹⁰.

По Иноуэ, получалось, что японец обладает якобы совершенно особой психологической индивидуальностью и эта индивидуальность остается навсегда одной и той же на всем протяжении истории Японии. Она может существовать только в социальных условиях, соответствующих ее духу, ее исконной природе. Эта индивидуальность не нуждается в выборе, каких бы то ни было теоретических построений и систем, так как «японская личность» не нуждается во всем этом потому, что ее «мироощущение является особенным»¹⁰.

Для воспитания у личного состава армии верности долгу перед государством японские СМИ того времени широко использовали национальные традиции японского народа, многие из которых являлись основой формирования таких стереотипов, как: «император – отец, массы – его дети», «офицер – отец, солдаты – его дети» и т. п. Внешняя политическая деятельность японского правительства представлялась как «мировая миссия Японии», как неотъемлемая потребность построить «восемь углов под одной крышей» (хакко-итиу), насаждались основные принципы бусидо, «святые правила» самураев типа «100 боев – 100 побед»¹¹ и т. д.

Понимая, что спутником любой войны являются смерть, увечья, ранения и плен, идеологами философской системы осуществлялась моральная и психологическая подготовка личного состава армии к ним, особенно к смерти. В этих целях под возможную смерть на войне подводился соответствующий «философский базис», разработчиком которого был генерал-майор Сакурай Тюон.

Он в то время писал:

«Смерть страшит всех. Но никто не может прожить на белом свете вечно.

<...> На войне солдат принимает смерть как абсолютную истину, ибо война есть смерть. Конечно, смерть ужасна. Однако для японских солдат имеется нечто выше смерти и это „нечто“ заставляет радоваться смерти.

<...> Японские солдаты умирают ради любви к долгу как императорские солдаты»¹².

Каждый японец воспитывался в то время на учебниках, изобиловавших такими постулатами, как: «<...> путь подданных состоит в их участии в борьбе за счастье империи, что является вечной основой несравненной конститу-

ции империи. Это не абстрактная норма поведения, а исторический закон повседневной жизни».

«<...> Вы с трудом можете себе представить те жестокости, которые творились европейцами в разных районах Великой Восточной Азиатской сферы Процветания, подчиняя эти районы белой расе».

«<...> Победа над Россией 1905 г. была результатом чисто оборонительной войны, спасшей положение Японии и славную независимость, которой 660 лет до этого не угрожала такая серьезная угроза, как угроза русского продвижения на Восток». «<...> Нет страны, которая имела бы и осуществляла бы такую величественную миссию как Япония».

«<...> Обязанности в каждой семье должны составлять единое целое с верностью (преданностью)».

«<...> Император <...> любит своих подданных, как своих детей, и проводит этические императорские принципы. Мы рождены для помощи трону. Сыновья обязаны, культ предков, абсолютное подчинение императору»¹³.

Именно такое воспитание гражданского и воинского долга привело к тому, что почти 90% всех японских военнопленных*, отвечая на вопрос «При каких обстоятельствах был пленен?», отвечали: «По приказу императора».

Безусловно, в основе таких заявлений, может быть, лежали и соображения собственной безопасности, учитывая вековую японскую национальную традицию восприятия плена как несмываемого позора и репрессивную политику японского правительства по отношению к японцам, попавшим в плен. Находясь в плену, японские военнослужащие не рассчитывали на то, что итоги Второй мировой войны сведут на нет эту традицию**.

* Процентное соотношение выведено на основании количественно-качественного анализа более 10 тыс опросных листов, заполняемых на каждого военнопленного.

** Никакое правительство не могло пойти на уничтожение сотен тысяч своих граждан попавших в неприятельский плен. По последним данным, только в плену в СССР находилось 640,106 военнопленных японской армии¹⁴.

Следует отметить, что японские военнопленные, включенные в первые партии репатрируемых на родину, очень переживали за свою судьбу, хотя желание встречи с родными и близкими преобладало.

Изучение документальных архивных данных (официальных советских и трофейных японских) позволило вскрыть систему идеологической и психологической обработки личного состава японской армии в период 1940–1945 гг.

Эта система состояла из двух логически взаимосвязанных подсистем:

- информирование о текущих событиях на фронтах и в стране (этим вопросом занимался аппарат отделов (секций) информации видов вооруженных сил и информационные бюро армий;

- моральное воспитание в системе боевой подготовки и обучения войск (данном вопросом занимался аппарат Главного инспектора по обучению войск и специальные офицеры по воспитанию личного состава)¹⁵.

Непосредственно в войсках Квантунской армии за идеологическую и психологическую обработку ее личного состава отвечали командующий армией, 3-й отдел штаба Квантунской армии, Информационное бюро штаба армии, командиры полков, батальонов, рот, офицеры штаба армии, дивизии (бригады) по воспитанию личного состава, а также журнал «Кансё» (издавался для офицеров), полковые офицерские клубы, библиотеки и клубы для солдат – и унтер-офицеров¹⁵.

Информационное бюро штаба Квантунской армии длительное время возглавлял подполковник Хасэгава Уити. Основная тяжесть морального воспитания лежала на командном составе полка, а также на армейских и дивизионных (бригадных) офицерах-воспитателях (кёнку – гакари).

После 1941 г. в Японии стали издаваться массовыми тиражами всевозможные памятки для солдат и призывников (например, «Поведение солдата на поле боя», автор – генерал Тодзио; «Памятка призывника» (Токио, 1943 г., затем переиздана в 1944 г.).

В это же время появилось множество художественных произведений, посвященных войне на Тихом океане, типа «Солдаты и грязь», «Солдаты и пшеница» – автор Хино Асихэй; «Командир танкового взвода» – автор Кикиути Кэн и др.

В гражданских и военных клубах демонстрировались кинокартины о подвигах самураев феодальных времен, кинохроника и специальные фильмы о победах в войне на Тихом океане: «День разгрома Великобритании», «Тигр малайи», «Парашютные части», «Песнь о разгроме США и Англии», «Цветок южных морей» и др., а также широко демонстрировались кинофильмы фашистской Германии типа «До последнего солдата».

Таким образом, японский юноша, попадая в армию, уже в достаточной степени был оболванен милитаристской пропагандой. Но реальности войны, а затем и плена ставили все на свои места. Однако сформированные стереотипы японской исключительности и т. п. еще долго давали себя знать.

В этом плане весьма интересны результаты социологических исследований, проводившихся среди японских военнопленных, содержавшихся в плену в СССР (начало 1946 г.).

Исследование проводилось методом анкетного опроса с охватом более двух тыс. военнослужащих бывшей 123-й пехотной дивизии Квантунской армии.

В результате были получены следующие данные:

- на вопрос о причинах поражения Японии в войне, свыше 90% ответило: «Япония не разбита, а сложила оружие по приказу императора. <...> Мы не военнопленные, а японская императорская армия, возвращающаяся на родину»;

- на вопрос о том, что думают военнопленные о будущем Японии, свыше 95% ответило: «Япония возродится снова»¹⁶.

Более углубленное изучение причин такого восприятия японскими военно-

пленными поражения в войне и своего пленения показало, что в основе его лежали ранее сформированные стереотипы восприятия окружающего мира, своей расовой исключительности.

Наиболее точно его охарактеризовал японский писатель Конроэ в своей книге «Японская угроза»: «Японцы убеждены, они даже более чем убеждены, они знают, что они являются потомками богов, и, кроме того, они знают, что они единственный народ на Земле, который имеет право считать себя потомками богов.

Убеждение японцев в их божественном происхождении дало им основание к исключительной, почти невероятной самовлюбленности и презрению к другим <...>

С момента реставрации императорской власти божественное право японцев на завоевание мира прикрывалось маской преданности императору – прямому потомку и живому представителю богини Аматэрасу»¹⁶.

Результаты проведенного автором исследования показали, что вышеизложенные общие психологические особенности повлияли и на социально-психологический облик японских военнопленных. Характерными чертами этого облика (прежде всего впервые два года плена) были: любовь к императору и преданность ему; непризнание себя военнопленными*, а признание военнослужащими, разоружились и пошли в плен; настороженное, недоверчивое отношение к администрации советских лагерей для военнопленных; строгое соблюдение своих национальных, государственных и некоторых военных праздников; вера в то, что Япония сно-

ва возродится и станет процветающим государством; сильная вера разным слухам; спокойное, выдержанное отношение к своей судьбе; стойкое перенесение тягот и лишений плена; постоянная забота о своих раненых и больных товарищах по плену; стремление соблюдать традиции в приготовлении и употреблении пищи; искренний и глубокий интерес к советским людям, русской и советской истории, литературе, искусству (особенно они любили смотреть советские кинофильмы, читать произведения А. Толстого, Н. Некрасова, И. Тургенева) и др. Все эти черты, в основном, сохранились до конца плена в СССР.

Вместе с тем поведение японских военнопленных в плену было разным. Это обусловлено тем, что они были не однородными как по социальному составу, так и по мировоззрению, образованию, семейному положению, возрасту и т. п. Капитуляция Японии и ее оккупация США, массовая сдача в плен, жесточенность боев, многодневное изнурительное отступление, удаленность от родины, неизвестность своей судьбы и судьбы своей родины – все это оказывало сильнейшее психологическое воздействие на все стороны мира психических явлений личности каждого военнопленного. Такое психическое состояние привело к тому, что среди японских военнопленных достаточно четко определились три основные категории по отношению к войне с СССР:

- лица, желавшие вооруженного противоборства и активно участвовавшие в нем;

* Показательным является следующий факт. Когда в середине 1946 г. советское правительство разрешило японским военнопленным переписку с родственниками, проживающими в Японии, то значительная часть японских военнопленных категорически отказалась писать письма домой на почтовых открытках, где была отметка «военнопленный» (стандартная почтовая открытка, образец которой разработан МККК). Свой отказ использовать для написания писем на родину эти открытки они мотивировали следующим образом: «Мы не желаем, чтобы наши родственники получали от нас письма, как от военнопленных. Это для японцев является позором»¹⁷.

– лица, желавшие вооруженного противоборства, но не стремившиеся к активному участию в нем;

– лица, не желавшие участия в вооруженном противоборстве в силу своего мировоззрения, отношения к СССР и его идеологии и политике, а также своей аполитичности, космополитизма.

После прибытия в лагерь военнопленных на территорию СССР поведенческие реакции всех этих категорий японских военнопленных, как правило, соответствовали их внутренним убеждениям и внутреннему миропониманию. При этом наблюдалась интересная деталь: после захвата их в плен, после капитуляции Японии война как большой социальный конфликт не прекратилась, а продолжалась (особенно для первой категории лиц). Все это выражалось в форме неприязни к русским, в создании подпольных организаций, пассивном, а иногда и активном саботаже мероприятий администрации лагерей, во вредительстве (иногда и диверсий) на производстве и т. п.

Со своей стороны Советское правительство продолжало считать японских военнопленных противником, хотя и разоруженным и в силу этого соответствующим образом к ним и относительно созданных лагерях с достаточно строгим режимом (особенно в первые годы); принимались соответствующие меры, исключая проведение отдельными военнопленными каких-либо враждебных действий.

Исходя из всего этого, *первая категория лиц* стремилась продолжать борьбу с Советским государством в условиях плена и использовала для этого любые возможности:

– побег из мест содержания, саботаж организационных, политических, производственных и иных мероприятий администрации лагерей;

– попытки сбора разведывательных и иных секретных данных о Советском Союзе с целью передачи их заинтересованным органам Японии;

– совершение актов диверсии и саботажа.

Следует отметить, что реализация всех этих намерений была низкой. В основном враждебные намерения против СССР возникали чаще всего в среде военнопленных офицеров и среди незначительной части реакционно-настроенных солдат и унтер-офицеров.

Вторая категория лиц, в основном, занимала внешне нейтральное отношение к СССР, их поведение было пассивным и зависело от того, в каком окружении они находились, то есть от того, в какой они оказывались группе военнопленных: относившихся к первой категории лиц или ко второй.

Третья категория лиц, прежде всего, те из них, мировоззрение которых совпадало полностью или частично с господствовавшим мировоззрением и идеологией в СССР, достаточно активно участвовали в проводимых администрацией лагерей политических, организационных, производственных и иных мероприятиях.

На психологию и поведение японских военнопленных, бывших в плену в СССР, существенное влияние оказывали такие факторы, как:

– длительная стрессогенная социальная, принудительная изоляция;

– режим военного плена, нахождение во власти бывшего военного противника;

– чувство вины и невыполненного долга перед народом, родиной;

– нарушение привычной среды обитания;

– переживание за судьбу своих близких, родных, свою собственную;

– информационная недостаточность и др.

В этом отношении наиболее ярким примером является самоубийство в ночь с 19 на 20 сентября 1946 г. свидетеля по обвинению японских военных преступников на Токийском процессе военнопленного генерал-лейтенанта Тацуми Кусаба (отравился быстродействующим ядом, который тайно хранил при себе).

Причиной самоубийства явился внутриличностный конфликт в морально-нравственной сфере, возникший на основе синдрома «психологической ответственности» за неисполнение своего гражданского и воинского долга в период военных действий в Маньчжурии (август 1945 г.) и обострившийся в связи с приездом на родину и необходимостью выступить на судебном процессе в Токио.

Тацуми Кусаба оставил две предсмертные записки.

В одной из записок, которая была без адреса, он писал: «Моей виной является то, что, будучи начальником железных дорог, я не мог обеспечить транспорт для японских беженцев в Маньчжурии в момент прекращения военных действий. После этого я должен был умереть. Встречая со стороны советского полковника Туликова и всех остальных доброжелательство и любовь, я, как воин, опозорился, не оправдал возлагавшихся на меня добрых надежд. Эту вину я должен принять на себя».

В другой записке, адресованной генералу Мацумуре и подполковнику Сэдзими (оба японские военнопленные, привезенные в Токио вместе с ним как свидетели на процессе), писал: «Его превосходительству Мацумуре, подполковнику Сэдзими.

Безгранично вам благодарен проявленным ко мне до сегодняшнего дня дружеским отношением. Я очень польщен тем, что мне выпала честь быть свидетелем вместе с вами. Однако, считаю, что я уже ничем послужить не могу и, сознавая всю вину моего поступка, кончаю жизнь самоубийством. Прошу меня простить. Мои показания находятся в записной книжке (в кармане летней одежды)»¹⁸.

Эти и другие факторы влияли на внутреннее состояние военнопленных (создавали психическую напряженность, раздражительность, нервозность, подавленность и т. п.), на отношение к окружающим людям, на общение с товарищами по плену и с администрацией мест их содержания.

Обобщение результатов анализа психологического состояния японских военнопленных и их поведения в плену позволяет сделать вывод, что стрессогенная ситуация обстановки плена предъявляла к ним требования, воспринимающиеся ими либо как превосходящие их возможности ответить на них, что вело к дистрессу, либо как позволяющие им реализовать свои возможности, ответить на эти требования и благодаря этому достигнуть желаемых результатов (последствий). Особую роль при этом играла субъективная неопределенность требований и возможности им ответить, а также субъективная значимость (положительная или отрицательная) последствий ответа.

Свобода выбора типа поведения японского военнопленного зависела от социальной направленности его личности и его индивидуально-психологических особенностей. Социальная направленность личности военнопленного была как положительной (обеспечивала поведение в плену, соответствующее требуемым нормам*, так и отрицательной, асоциальной (сформированные способы поведения в плену, идущие вразрез с требуемыми нормами).

Особое значение для выбора типа поведения японского военнопленного в плену имела малая группа. Малая группа (в большинстве случаев это диада или триада) играла важ-

* В данном случае под нормами подразумеваются правила, точные предписания права и нравственные требования и т. п., держащей в плену страны, определяющих поведение лиц, попавших в плен.

ную роль в его жизни и деятельности в условиях плена, она помогала ему выжить, сохранить психическую устойчивость, свое «я». Это обуславливалось тем, что в малой группе вынашивались определенные мнения, отношения, утверждался личностный статус военнопленного. Члены малой группы практически во всем поддерживали друг друга, помогали друг другу (иногда в ущерб другим малым группам военнопленных). Стремление военнопленного к общению в малой группе обуславливалось (посредст-

вом создания дополнительной «точки опоры») потребностью повысить свою психологическую защищенность, нейтрализовать негативные последствия стрессогенной обстановки плена, а также создания сферы обмена информацией для удовлетворения информационного голода.

Объединение японских военнопленных в малые группы осуществлялось на основе землячества, профессиональной принадлежности, совместной службы до плена, на основе совпадения интересов.

Изучение психологии японцев вообще и японских военнопленных в частности, их поведения в советском плену, требует дальнейшего более глубокого исследования на основе междисциплинарного подхода с привлечением широкого круга как российских, так и японских специалистов самых разных областей человеческих знаний.

Это необходимо не только для более полного понимания история наших народов, их взаимоотношений, их культуры, психологии, но учета в общении друг с другом в обычных и особых условиях. Тем более что правительство Японии в последнее время стало занимать откровенно недружелюбную по отношению к России политику, предъявляя необоснованные территориальные притязания к российским островам Южных Курил.

Будем надеяться, что мартовская 2011 г. природная и техногенная трагедия и проявленная Россией добрая воля по оказанию гуманитарной помощи японскому народу, вне зависимости от прежних отношений, образумит кой-какие горячие японские головы и японо-российские отношения не будут больше омрачаться какими бы то ни было территориальными и иными притязаниями.

Примечания

- ¹ Цит. по: Классическая драма Востока. М.: Художественная литература, 1976. С. 606.
- ² *Нинагава Р.* История самурайского кодекса «бусидо». Токио, 1907; *Такасима Т.* Косэн (Война во имя императора). Токио, 1938; *Гомикава Д.* Условия человеческого существования/ пер. с яп. М.: Художественная литература, 1985; *Аида Ю.* Нихондзин-но ко: дзо (Структура сознания японца). Токио, 1971; *Араки Х.* Нихондзин-но ко: до ёсики (Стиль поведения японцев). Токио, 1974.
- ³ *Сайто Р.* Кайсо-но сибэрия (Воспоминания о Сибири). Токио, 1966; *Вакацуки Я.* Сибэрия ёкүрю сюёдзё (Сибирские лагеря военнопленных). Токио, 1979; *Судзүки С.* Давай японски! (Давай японцы!). Токио, 1976; *Иваси Н.* Сибэрия ёкүрюки (Записки сибирского военнопленного). Токио, 1947; *Галицкий В. П.* Проблема военнопленных и отношение к ней советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124–130; *Галицкий В. П.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; *Галицкий В. П.* Японские военнопленные в СССР: Правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–75; *Галицкий В. П.* Полити-

- ка Танака-Тодзио глазами соотечественников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 80–81; *Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2003.
- ⁴ *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., Наука, 1983; *Крысько В. Г.* Влияние национально-психологических особенностей на боевую деятельность личного состава армий империалистических государств. М.: ВПА, 1987; Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: Наука, 1986; Япония сегодня. Токио: Компания Международное общество по просветительской информации, 1990; *Берндт Ю.* Лики Японии. М.: Наука, 1968; *Роджерс Ф. Дж.* Первый англичанин в Японии. М.: Наука, 1987; *Уэда К.* Преступность и криминология в современной Японии. М.: Процесс, 1989; *Минами Х.* Нихондзин-но гэйцзюцу то бунка (Искусство и культура японцев). Токио, 1980; *Минами Хироси.* Нихондзин-но синри то сэйхацу (Психология и жизнь японцев). Токио, 1980; *Гэндай нихондзин-но иски ко: дзо* (Структура общественного сознания японцев). Токио, 1980; *Кодзай Ё.* Современная философия. Заметки о «духе Ямато». М., Наука, 1974.
- ⁵ ЦГВА. Ф. 4п. Оп. 30я. Д. 236, 237, 238.
- ⁶ ЦГВА. Ф. 4п. Оп. 30я. Д. 237. Л. 47, 26, 13–14.
- ⁷ Памятка японского солдата и младшего офицера. Токио: Военное министерство Японии, 1938.
- ⁸ *Рагинский М. Ю., Розеблит С. Я.* Международный процесс главных военных преступников. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 87–88.
- ⁹ *Радуль-Затуловский Я. Б.* Японизм – «философия» японского милитаризма // Философские записки. Т. 2. М.: АН СССР, 1948. С. 196–217.
- ¹⁰ *Иноуэ Т.* Ниппон сэйсицу но хонсицу (Сущность японского духа). Токио, 1936. С. 8–51
- ¹¹ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 41. Л. 100–101; Д. 85. Л. 150.
- ¹² The Japan Times. 1941. 12 янв.
- ¹³ Путь подданных японской империи. Токио: Министерство просвещения Японии, 1941.
- ¹⁴ *Галицкий В. П.* Японские военнопленные в СССР: Правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 69.
- ¹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 253377. Д. 7. Л. 268, 348–359; Д. 4/42. Л. 336–351.
- ¹⁶ Опыт работы. Информационный бюллетень № 8 (47). М.: ГПУ ВС СССР, 1947. С. 19, 29.
- ¹⁷ ЦГВА. Ф. 451п. Оп. 6. Д. 48. Л. 118.
- ¹⁸ Чит. по: The Japan Times, Tokyo Times. 1946. 21–29 сент.